

УДК 504.7:911

РОССИЙСКИЙ БАЙКАЛ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

© 2020 г. В. Л. Каганский*

Институт географии РАН, Москва, Россия

*e-mail: kaganskyw@mail.ru

Поступила в редакцию 14.02.2019 г.

После доработки 14.10.2019 г.

Принята к публикации 28.11.2019 г.

В статье представлена экологическая проблема Байкальского региона в глобальном контексте на фоне мировой культурной ситуации и глобальных тенденций. Сама проблема все еще не сформулирована достаточно ясно. Байкальский регион — существенная часть всей географической оболочки, Евразии и России; главный природный ресурс России; один из немногих глобальных локусов на территории Российской Федерации; ступок и центр биоразнообразия и ландшафтного разнообразия Евразии; важный по географическому положению ландшафтный узел; геоэкономический, геополитический и геостратегический локус; ландшафт-индикатор массового поведения, проблемно-конфликтный узел, субглобальный сакральный локус, регион-идентификатор, консолидатор и символ для всей России, уникальная территория. Выявлены те фундаментальные культурные, правовые и этические коллизии, без учета которых проблема региона не может быть адекватно осознана, поставлена и тем более решена. Экологическая проблематика конкретной территории оказывается вплетенной в более широкий и глубокий контекст — глобальный и культурный. Указаны интеллектуальные ресурсы проблемы Байкала на примере феномена уникальности. Приведен эскиз проектной концепции для острова Ольхон.

Ключевые слова: Байкальский регион, биоразнообразие, глобальный локус, идентификатор, консолидатор, культурная ситуация, ландшафт, ландшафтное разнообразие, право, символ, существенная часть, уникальность, экологическая проблема

DOI: 10.31857/S2587556620020065

*И неужели мы будем в истории —
“Эти, Байкал загубили которые”?*

А. Вознесенский

*То, как человек обращается с природной средой,
влияет на его обращение с самим собой, и наоборот.*

Бenedикт XVI

*Пока не появится ценностный запрос на полноценное взаимодействие
с ландшафтом и понимание того, что это взаимодействие — неотъемлемая
часть культуры, никакие ландшафтно-культурные проекты невозможны.*

*Байкал невозможно спасти, не спасая всю Россию, но спасение Байкала
может стать “точкой роста”, откуда начнется большой культурно-
ландшафтный поворот.*

Г. Лютикова

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Работа имеет целью акцентировать нетривиальные аспекты экологической проблемы Байкальского региона, указав те ее аспекты, где конкретная ситуация требует обращения к более общему сюжетам. Экологическая проблема конкретного региона оказывается вплетенной в более широкий и глубокий контекст: интеллектуальный, глобальный и культурный. Необходимые сведения в силу изу-

ченности проблемы минимальны¹. Ряд отдельных положений известен и их изложение на самостоятельность не претендует; предмет статьи,

¹ См. География и природные ресурсы. Специальный выпуск. 2016. № 5; География и природные ресурсы. Специальный выпуск. Фундаментальные исследования и прорывные технологии как основа опережающего развития Байкальского региона и его межрегиональных связей. 2016. № 6.

кроме указания оригинальных сюжетов, – общее понимание проблемы. Предложения по решению проблемы не являются задачей работы и лежат вне сферы нашей научной компетенции; лицо или коллектив с такой компетенцией нам не известен. Конкретные предложения лишь указывают на содержание, необходимое для уяснения и постановки проблемы. Наш подход – комплексная концептуальная экспертиза: расширенная теоретическая география ландшафта [4, 10], дополненная известными представлениями о современной культуре. Резюмирован ряд публикаций автора; существенный вклад в исследование проблемы внесли результаты путешествий в регионе в 1995, 2006 и 2017 гг.

Исследования Байкальского региона ведут, по-видимому, сотни ученых и специалистов; число публикаций измеряется уже тысячами. Массив собранных данных и полученных научных знаний огромен; отдельные многочисленные разнообразные аспекты проблемы представлены в сводках². Фундаментальность и острота экологических проблем всего Байкальского региона достаточно ярко и многообразно зафиксирована в научной литературе, постановлениях высших органов власти РФ, в работах и акциях экологического движения, в средствах массовой информации и т.д. Но ощущению остроты проблемы, на наш взгляд, пока не соответствует уровень ее понимания как целого. В отношении содержания проблемы – и тем более путей ее решения – многое остается неясным.

Уже стало общим местом, что Байкальский регион, особенно береговая зона Байкальской природной территории и прибрежная акватория озера Байкал, подвергается усиливающемуся антропогенному воздействию, особенно разнообразному загрязнению; налицо рост деградации природных экосистем по многим параметрам³; все заметнее эстетическая деградация, визуальное “загрязнение”, утрата естественного пейзажа. Байкальская природная территория – экологический резонатор обширных пространств, лежащих вне ее (бассейны рек, впадающих в Байкал, огромный ареал территорий, с которых сюда прибывают туристы, и т.п.), находящаяся от них в неконтролируемой зависимости. Состояние культурного ландшафта мы считаем катастрофическим, современная застройка его почти разрушила, не привнеся ничего осмысленно нового. Поскольку атрибут полноценного культурного ландшафта – продуктивная взаимодополнительность природного и культурного компонентов, в том числе выражающаяся в

пейзаже (подробнее см. [4]), то *ландшафт территории на глазах живущих поколений перестает быть полноценным*. Налицо острый многосторонний конфликт разных культурных, этноконфессиональных, социальных, хозяйственных и территориальных групп, сообществ, даже государств [11]; консенсус не достигается. *Экологическая доминанта не является ни основой, ни реальным ограничителем современных социально-экономических процессов в регионе*. Экологически совершенно неоднозначен сильный запрос регионов Прибайкалья на экономический рост. Экологический статус Байкала является активной приоритетной ценностью лишь для небольших маргинализованных (но не маргинальных) групп экологов и небольших местных сообществ; но служит пассивной ценностью для довольно значительных групп. Многочисленные формально экологические проекты, программы и решения не улучшают ситуацию в целом.

“Байкальская проблема” не сформулирована достаточно полно и ясно как целое. Приведем ряд вопросов, остающихся без ответа или даже корректно не поставленных (в силу связности проблемы вопросы перекрываются):

- В каком контексте следует трактовать Байкальскую проблему?
- Возможно ли ее представить как целое – или это иное образование?
- В каком смысле и в какой мере варианты Байкальской проблемной территории целостны в природном и/или культурном отношении?
- Совпадает ли она с территорией решения проблемы?
- Если нет – какова “территория решения Байкальской проблемы”⁴?
- Укладывается ли в спектр природной изменчивости наблюдаемая антропогенная трансформация водных и наземных экосистем? Известны ли сукцессионные системы для всего региона? Каковы тогда климаксные состояния? Как скоро они наступят?
- Если современная ситуация выходит за рамки сукцессионных рядов, то что это означает? Она уже имела место или это беспрецедентное состояние? Наблюдается ли эволюция самих сукцессионных систем по В.В. Жерихину [2]?
- Каковы характерные времена: годы, десятилетия, тысячи лет?
- Какое именно состояние представляется желательным? Это стационарное состояние, набор состояний, процесс? Существовало ли это состояние и когда? Было ли устойчивым?

² Там же; Экологический риск. Материалы IV Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Иркутск, 18–21 апреля 2017 г.). Иркутск. 2017. 361 с.

³ См. География и природные ресурсы. Специальный выпуск. 2016. № 5.

⁴ Не исключено, что это территориально несплошной регион, то есть геосистема в смысле Д.Л. Арманда [1].

- Есть ли технологии — экологические, культурные, социальные, административные и т.д. — для достижения этого состояния?
- Имеется ли консенсус по поводу этого состояния?
- Окажется ли это состояние в случае его достижения естественно устойчивым либо потребует постоянных антропогенных воздействий?
- Пройдена ли точка невозврата к этому желательному состоянию? Каков механизм, срок и цена перехода к этому состоянию?
- Описано ли это состояние достаточно полно, дабы судить об отклонениях?
- Какова диспозиция основных групп ценностей и интересов? Достаточно ли влиятельны группы, заинтересованные в экологической санации территории?
- Можно ли управлять проблемой, если часть факторов неподвластна российским акторам, например, глобальные климатические и культурные процессы?

БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН КАК СУЩЕСТВЕННАЯ ЧАСТЬ РОССИИ

Главный природный ресурс России. Байкал — около четверти всей жидкой пресной воды географической оболочки Земли, но около 80% ее питьевой воды. Метафора применительно к Байкалу — родник планеты. Той воды, что вытекает из Байкала в Ангару достаточно, чтобы удовлетворить потребности в питьевой воде всех людей, которые будут жить на Земле. Проблема водоснабжения как глобальная решается за счет дешевизны энергии и будет решена транспортировкой айсбергов либо опреснением морской воды. Но воду питьевой кондиции высокого качества так получить в принципе невозможно, такую воду вырабатывает вся экосистема, это биогенный продукт. Байкальская вода высоких кондиций — ценность, которую судьба дала России. Разные подсчеты, в том числе и РГО, показали, что при разумном изъятии (не более 10% в истоке Ангары) и использовании байкальской воды как питьевой годовая ее стоимость составит порядка 200–500 млрд долларов США⁵. Поскольку питьевая вода дорожает, а энергия дешевеет, это главный природный ресурс России.

Байкал как глобальный локус. На территории нынешней России есть лишь три–четыре глобальных локуса, которые влияют на глобальные процессы (экспертно их в мире порядка 20–30, например, регион Нью-Йорка, нефтяной Персидский залив, агломерация Большого Токио, Израиль и т.д.). Глобальные локусы в России:

⁵ См. <http://www.aquavita67.ru/about/novosti/zanimatel'naya-arifmetika-chto-sluchitsya-posle-prodazhi-vsej-vody-iz-bajkala/>

Москва как центр смыслополагания и супер-центр огромной территории (шире территории страны), возможно, Санкт-Петербург (был таковым в XIX в.), нефтегазовый северо-запад Сибири (перестает быть таким локусом) и Байкал — “крупнейшее озеро”, “мировой родник”, “сакральное место”.

Сгусток природного разнообразия. Регион — самый плотный сгусток природного разнообразия Северной Евразии и важный экологический коридор между Центральной Азией и Северной Евразией, сочетающий водные и наземные горные и равнинные ландшафты тундры, тайги и степи и разнообразные экотопы [12]. Так, на острове Ольхон площадью 700 км² представлены ландшафты, которые занимают не менее 1 млн км² (оценка по [3]). Разнообразие и красота ландшафтов создает высокую аттрактивность и креативность места; разнообразие означает также привлекательность для самых разных групп и типов людей. Значение креативных ландшафтов велико и растет; они стали глобально остродефицитны, жизненно важны творческим сообществам, а значит, и креативной экономике.

Нами ранее обосновано предположение, что условия сохранения природного разнообразия, качества питьевой воды и высокой креативности ландшафта совпадают [6]; это важно стратегически. Но это заведомо несовместимо с обычной хозяйственной деятельностью и массовым туризмом. С экофильным хозяйствованием и немассовым экологическим туризмом эта стратегическая триада совместима (см. ниже раздел “Большое в малом. Ольхон”). Выбор совершенно принципиален и категоричен. Принципиально, что ландшафт начал осознаться и как все более важный компонент образовательно-воспитательной среды [13].

Ландшафтный узел. Крупнейший природный объект маркирует и мощное уникальное ландшафтное положение в центре Евразии — стык и перекресток для флор и фаун Центральной Азии и Северной Евразии, стык бассейнов Северного Ледовитого, Тихого океанов и бессточной области Центральной Азии [9]. Существенно положение на стыке природных границ высокого ранга, в частности границ трех природных стран [3], что соответствует логике размещения центра на стыке однородных районов [10]. Очевидно следствие, что Байкальский регион — экологический центр огромной территории: это мнение высказывается многими. Растекающиеся в разные стороны Ангара и Лена (их наследовали современные транспортные полимагистралы и оси культурного ландшафта) делают регион ядром природно-культурного узлового района веерного типа. Учитывая местоположение и межрегиональные функции Иркутска, Байкальский регион — одновременно

и природный, и культурный узловой (коннекционный) макрорайон с практически совместным ядром (городская агломерация находится на берегах Ангары рядом с берегом Байкала). Эта двойственность уникальна, поскольку обычно природные и культурные ядра ландшафта размещены полярно [10]; отсюда неизбежна значительная антропогенная нагрузка на ландшафты. Важно и то, что протоякутский и монгольский этносы сформировались именно в Прибайкалье, с чем связаны историко-культурная ценность региона и богатая археология.

Центр глобальной Внутренней Периферии⁶. Обычный взгляд трактует Сибирь лишь в связке с Россией; Сибирь тогда – российская дальняя внешняя периферия. Однако поверхность Земли – поверхность сферы, она связна, замкнута и все ее точки теоретически равноправны, что означает и равноправие позиций. В этом пространстве в принципе не может быть ничего внешнего. Новый интересный малоизвестный тип ландшафта – Внутренняя Периферия, выявленный нами ранее [5], имеет и глобальные аспекты. Имея ландшафтные, экономические, функциональные черты Периферии, она специфична своим местом внутри освоенных территорий. Внешняя Периферия – периферия вне Центра, Внутренняя Периферия – внутри Центра. Глобализация как актуализация сферичности Земли и удешевление транспорта означает, что привычная Внешняя Периферия – “уходящая натура” и возможна исключительно локально. Глобально Сибирь окружена мощными центрами и активными территориями; они более связаны между собой, нежели чем через Россию: Северная Америка–Западная Европа–Ближний Восток–Средний Восток–Южная Азия–Восточная Азия. Сибирь вкупе с Арктикой и Центральной Азией – глобальная Внутренняя Периферия Северного полушария внутри возникающего глобального линейного суперцентра; Байкальский регион – ее ядро.

Сакральный локус. Байкал имеет статус сакрального места для мировой “экофильной” религии – буддизма, сплетенного на этой территории с шаманизмом, с почитанием сил и особых мест природы. Для буддизма и шаманизма – для значительной части Сибири и Восточной Азии – Байкал сакрализован. Секулярное ландшафтно-экологическое паломничество также сакрализует Байкал.

Колониально-цивилизационные проблемы. Возрождение бурятской идентичности идет активно и неоднозначно из-за связи с проектами “монгольской цивилизации” и воссоздания “Большой Монголии”, внутри территории которой целиком

оказывается Байкал. Регион Байкала – место образования общностей, из которых потом сформировались этносы: монголы, буряты и якуты; их современный ареал расселения огромен. В регионе налицо соприкосновение цивилизационных общностей, потенциально чреватое и конфликтом. Традиционно народы, исповедующие буддизм, скорее экофильны, но для наследников конфуцианской цивилизации это неочевидно. Принципиален и колониальный аспект; до революции 1917 г. статус Сибири как колонии бурно обсуждался не только сибиряками.

Геополитический и геостратегический локус. Наблюдается китайский туристический бум, нарастающее присутствие китайского бизнеса, рост китайского населения и экономический рост Монголии (почти все хозяйство Монголии расположено в бассейне Селенги, впадающей в Байкал). Тогда очевидно, что экологическая ситуация производна от внешнеполитической идентичности российского общества и государства, внешнеполитической и военно-стратегической доктрины РФ.

Существенная часть России. Сказанное позволяет понять Байкальский регион как существенную часть России и, по-видимому, всей Северной Евразии. Известное понятие логики “существенный признак” имеет коррелятом понятие “существенная часть”. Это такая часть, без которой данная отдельность не будет именно таковой. В данном случае нельзя построить полноценное географическое понятие “Россия”, игнорируя аспект его содержания, связанный с Байкалом; равно то же самое относится и к Северной Евразии. Атрибут существенной части⁷ – то, что она выступает не только как результат рассмотрения этой части с позиции целого (Байкал с точки зрения России), но и как позиция для рассмотрения этого целого (Россия с точки зрения Байкала). Каждая такая часть не только входит в концепцию целого, но и сама порождает концепцию. Наличие существенных частей – множественность позиций, точек зрения и концепций. Для Байкальского региона это означает заведомую *недостаточность одной-единственной, сколь угодно достойной концепции региона*, включая и концепцию “Байкальской России”, а не только Российского Байкала. Известным примером географических концепций для всей России, но основанных на материале ее региональных частей служит новосибирская школа изучения ТПК (территориально-производственных комплексов) и сибирская (иркутская) ландшафтная школа.

Причина в том, что одна-единственная точка зрения на в буквальном смысле пространственный объект означает игнорирование его расчлененно-

⁶ Использовано ранее введенное написание с прописных букв как собственных имен типов ландшафтов нашей типологии [5].

⁷ Часть, подобная целому, в отличие от фрагмента без этого признака.

сти на значимые части и само наличие частей, т.е. содержит фундаментальную предпосылку о лишенности объекта существенной дифференциации. Такое представление делает конкретные места не существующими с точки зрения содержания, вносимого ими в понятие этого объекта; оно лишено содержания, связанного с наличием разных существенных частей [4]. Объект, для понимания которого достаточно единственной позиции, не имеет существенных частей, лишен значимой дифференциации; этому не противоречит и представление о своего рода “броуновском движении” внутренних элементов, которое тогда описывается макроскопическими параметрами — распределениями и средними. Тогда рассмотрение России (любого целого) с единственной позиции означает несуществование ее частей/вариантов целого. Монопозиционность — символическое выражение отсутствия значимых частей. Хотя местное профессиональное и обыденное сознание вряд ли глубоко осознает ситуацию, но и вне рефлексии для него ущербность такой позиции очевидна, поскольку из нее следует отказ от учета специфики, интересов и позиций мест.

БАЙКАЛ КАК КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ РОССИИ

Консолидатор и идентификатор. Именно Байкал мог бы стать консолидатором российского общества и вообще прояснить, а есть ли оно как таковое? На огромной разнообразной в природном и культурном отношении территории Российской Федерации есть только один крупный, красивый, ценный, известный природный объект глобального значения. Он явно высокосимволизируемый и одновременно ценностно позитивен для всех; трудно найти группу, для которой Байкал не был бы сугубо положительной ценностью и символом. Тем более что глобальная миссия России — действительно сохранить Байкал.

Главный бренд России. Байкал сейчас стал одним из главных брендов России. Он и экономическое благо, и центр биоразнообразия и ландшафтного разнообразия, и невероятно притягательный (аттрактивный) объект, и сакральное место, и престижный объект, вокруг которого сплелись интересы туризма, бизнеса, властей разного уровня, символического обустройства России и ее регионов, которое все более важно. Много здесь сошлось. Инвестиционная привлекательность страны и любой территории все сильнее зависит от ее экологической репутации. Имиджевые и брендовые ресурсы уже относительно ценнее вещественных ресурсов и сравнимы с технологическими.

Главный “тест” для России. Успехи российского государства и поведение ее граждан в отношении мест/объектов планетарного значения дают

основание судить и оценивать нашу страну независимо от всех прочих политических, социальных и экономических аспектов [7]. Чрезвычайно важно, как именно страна обращается со своими главными природными сокровищами. Тогда получается, что сейчас на Байкале Россия, ее общество и культура сдают свой экзамен. Полевое исследование и анализ также уникальных ленточных боров равнинного Алтая сделали неизбежным вывод о пространственной невменяемости основной части населения и, возможно, его “элит” [8], диагностируемой по практически реализуемому отношению к ценнейшим и важнейшим природным объектам. Полевые наблюдения автора и многочисленные наблюдения местных экспертов позволяют всецело отнести сказанное и к Байкальскому региону.

ОБЩИЕ КУЛЬТУРНЫЕ, ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ

Налицо фундаментальная коллизия — культурная, правовая, этическая. Если есть такой культурный и политический субъект, как мировое сообщество, то он должен иметь право доступа к Байкалу как к уникальному ценному объекту и одновременно право иметь Байкал в определенном состоянии; таковы и международные обязательства РФ относительно Байкала как территории Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Но есть и население конкретного государства и конкретной территории, которое тоже имеет право доступа к Байкалу; есть еще и местное и/или коренное население и традиционное природопользование и т.д.; есть и права этнических, культурных, профессиональных сообществ. Каково теоретическое и практическое соотношение этих прав? Что важнее — глобальное сообщество или интересы местного сообщества по коммерциализации природной ренты? Налицо конфликт статусов, который усугубляется непроясненностью и неукорененностью в современной России института частной собственности как сложного пучка правомочий с непереносимыми обременениями. На ландшафт часто, но неявно переносят представления о собственности, релевантные только движимому отчуждаемому имуществу.

Реализация права всеобщего доступа к Байкалу означает его умерщвление. Некоторые места в принципе, по-видимому, не предназначены для массового посещения по двум разным причинам. Во-первых, в силу уязвимости экосистем/ландшафтов при их огромной ценности и недопустимости их антропогенной деградации. Во-вторых, хотя бы потому, что производят чрезмерно сильное впечатление на неподготовленные массы. В традиционных культурах не предусматривалось, чтобы все имели доступ к природному чуду. Какие-то места, тексты, действия и смыслы были

просто табуированы. Это именно культурная проблема: с одной стороны – право уникальных объектов на жизнь, с другой – право массового человека на потребление. То и другое в полной мере абсолютно не совместимо. Проблема Байкала сомасштабна всей современной мировой культурной ситуации; Байкальский регион – еще и модель мировой культуры. Отсюда и продуктивность работы с ним.

Это и проблема морфологии современной культуры – культурный статус объектов, сопоставимых с сакральными, или сакральных объектов для отдельных групп (сообществ). Видимо, должны работать механизмы, наделяющие Байкал – и не только его – статусом, подобным статусу храма, где поведение очень жестко регламентируется, и есть сообщества, для которых состояния таких объектов – ценность, и даже трансцендентная. В определенном смысле та антропогенная агрессия, которой подвергается Байкал – несомненное оскорбление чувств многих религиозных и нерелигиозных групп.

БАЙКАЛ КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС

Изучение литературы и общение со специалистами показывает, что в чисто когнитивном отношении усилия сосредотачиваются на все более полном и подробном получении разнообразных трудносоотносимых данных, синтез которых каким-то образом все откладывается, ускользает из поля внимания и подменяется все более громоздкими моделями. При этом уникальность и территории, и проблемы признается, но скорее как ценностная рамка, а не по существу и не в методологическом плане. Изучение региона как уникального образования ведется без обращения к самому феномену и категории уникальности; то есть уникальность никак не учитывается. Внешнее признание уникальности не мешает искать стереотипного представления и решения проблемы, хотя и сложного, трудного и дорогого. Мы полагаем, что налицо проблема качественно иного рода. Нужна не дезуникализация проблемы, а поиск способов работы с уникальными образованиями.

Распространенное мнение, общее место методологии, что индивидуальные и тем более уникальные образования не подлежат строго научному, номотетическому (обращающемуся к поиску законов) исследованию, похоже нуждается если не в пересмотре, то в дополнении. Обращение к частям объекта как позициям позволяет преодолеть принципиальные трудности концептуального рассмотрения единичного объекта. Если данный объект как единичный состоит из подобных целому частей и/или дан как множество реализаций и/или во множестве соотносений с иными объектами, то может и даже должен рассматри-

ваться теоретически – ведь тогда структура единичного объекта (архетип) складывается из того общего, что объединяет объекты в тех отношениях, где он соотносится с иными объектами. Разработка проблемы выявления архетипов (мерономия) с самого начала шла в номотетической, реалистической (в противоположность номинализму) методологической установке. Архетип в этом случае есть эквивалент или разновидность морфологической концепции в отношении устройства целого, теории его строения. Тогда парадоксально “самым теоретичным” оказывается не тривиальный, обычный или типичный объект, а объект уникальный. (В классической географии именно уникальным объектам уделялось значительное внимание.) Они максимально насыщены содержанием за счет огромных полей сравнимости, поскольку включают содержание (точнее – аспект содержания) всего сравнимого. Концепция и описывает единичные объекты как узлы, сгустки, пересечения полей сравнимости.

Не разворачивая концепции уникальности, укажем смысл этого понятия. Мы так эксплицируем его, чтобы следствия из него отвечали культурно и интуитивно богатому представлению. *Уникальны только те и такие места (объекты), которые сходны сравнимы с многими несходными (несравнимыми) между собою местами, т.е. обладают очень обширными полями сравнимости.* И соответственно, с ними соотносимы многие места (отношение сравнимости не тождественно сходству). Тогда налицо ряд следствий.

Уникальные образования: а) обладают очень значительным содержанием (имеют большой семантический размер/размер архетипа); б) имеют сложную богатую форму; в) богаты автомодельными симметриями; г) очень редки; д) культурно, познавательно и отчасти экономически высокоценны; е) эстетически привлекательны из-за богатства и чистоты форм; ж) играют роль существеннейших компонентов целостных ансамблей коллекций, ландшафтных комплексов и т.д.); з) выполняют функцию эталонов в науке и практике; и) имеют особый культурный статус (даже для природных объектов) и особый образ в культуре; к) сакрализуют; л) организуют пространство.

Очевидно, что все выявленные атрибуты относятся к Байкальскому региону, что подтверждает его уникальность и тезис о значительности интеллектуальных ресурсов⁸. Байкал – еще и мощный интеллектуальный вызов. Тем более что сейчас активно идет так называемый типологический разворот в культуре, ориентация на научное,

⁸ Разработка концепции уникальности была начата в ходе изучения уникальных территорий – Московский регион, Камчатка, Байкал – в особой технике познавательного путешествия теоретика.

природное, политическое, культурное и т.д. многообразие.

ПРОБЛЕМА ИЛИ ЗАДАЧА?

Пока проблему Байкала не удастся не только решить, а даже осознать и поставить. Решать проблему по частям невозможно; проблема вообще не делится на задачи без остатка. На тех обсуждениях ситуации, в которых мы участвовали или которые мы наблюдали в Москве и в Иркутске, ищется исключительно принципиально простая технология решения (комплекс технологий) для Байкала “без мудрствований”. Например: воспитать население; построить очистные сооружения; провести строгое экологическое зонирование; устроить заповедный режим и т.д. и т.п. Представляется, что мы здесь имеем дело с проблемой совершенно иной категории, качественно иного рода. Решать каждую проблему путем создания общественного движения, политической партии, министерства, ведомства, программы вплоть до федерального округа и даже международной организации — практика небесспорная⁹. Но почему-то идет вал рассуждений, решений и мер в логике формирования институций при неопределенности самой проблемы.

Может быть, проблему Байкала как таковую, отдельную, индивидуальную вообще не следует решать. Ее решение будет следствием общей санации, витализации, восстановления общественной организации, обретения ландшафтно-экологической вменяемости населения.

БОЛЬШОЕ В МАЛОМ. ОЛЬХОН¹⁰

Посредине этого сибирского моря (геологически Байкал — растущий будущий океан) — большой остров. Ольхон. Ярчайший контраст — самый большой остров самого большого озера самого большого материка. Великолепное место. Живописнейшие незабываемые ландшафты/пейзажи. Замечательные природные диковины, красивый рисунок ландшафта. Уникум в самом точном смысле — редкость, ни на что не похоже — и похоже на многие совсем разные места. Огромное в малом. Гармонично сочленены ландшафты, представляющие огромные природные зоны. Каждый шаг — резкие контрасты. Тайга, степь, леса, горы, озера, берега, дюны, скалы; редкие растения, животные, экосистемы. Цветущее многообразие. Шедевр природы, доказательство ее художественной гениальности. Виды, цвета и

⁹ Кругобайкальский международный экорегион актуален, есть же Алтае-Саянский международный экорегион.

¹⁰ Эскиз “Концепции для острова Ольхон” разработан по заказу Ассоциации “Ольхон — территория развития” при участии Г.В. Лютиковой; публикуется с любезного разрешения Ассоциации и Г.В. Лютиковой.

цвета, ароматы, вкус воды и воздуха. Нежная уязвимая тонкая пленка жизни на скале. Немалая запечатленная история. Огромная научная, культурная, экологическая ценность; такое место должно образовывать и воспитывать. Экологическое сердце Байкала.

Креативный, воодушевляющий ландшафт, местность глубоких чувств, дум, молитв. Кому-то именно и только здесь удастся теорема, симфония, гениальный проект. Вдохновляет раздумья, творчество, медитацию, восстанавливает телесные и душевные силы. Жить, плыть, пить, дышать, идти, смотреть, скакать, любить, мечтать, творить... Уникальные ресурсы. Таких мест на Земле ничтожно мало; куда меньше, нежели нефти и алмазов. Сопоставимого места в России нет, говорю уверенно, проехав и пройдя страну от Балтики до Тихого океана, от Таймыра до Эльбруса, от Колы до Алтая.

Манящее, аттрактивное, престижное место; арена всевозможных занятий; центр притяжения многих разных групп. Отсюда давление на среду — и сложность неизбежных решений. Нужна полноценная местная жизнь, и растений и животных тоже. Тянет на “природу”; следы налицо. Миллионы жителей Земли мечтают именно об этом месте. В мировой культуре Байкал сомастобен русской литературе. По ним судят о России.

Чрезмерные массы отдыхающих травмируют ландшафт. Хрупкие уязвимые экосистемы небольшого острова натиска не выдерживают. Уникальную экосистему нельзя не сберечь; это не только красивая нерпа и нежный омуль. Экстенсивный путь ведет в катастрофический тупик. Ландшафт деградирует, утрачивает привлекательность и ценность; может и вовсе обесцениться. Неразумное обустройство Ольхона уничтожит Байкал изнутри.

Кажется, что всех можно принять, отрезать кусочек, дать волю, — но именно это нельзя! В уникальном месте оправданно лишь то и только то, что невозможно в иных местах. Отдыхать, купаться, вести бизнес, ловить рыбу и кайф, жить в тайге, жечь костры на берегу можно везде — миллиард гектаров Сибири не освоен!

Ценность Ольхона — неповторимость; ресурс, бренд, символ. Ландшафт, пейзаж, вид на десятки верст. Сбережение ландшафта острова и его широкого окружения — полный приоритет. Строгие запреты неизбежны — планетарный уникал ценнее пикника. Никакого монополизма решений; у такого места не может быть одного хозяина. Действовать локально, мыслить глобально. Кооперация. Большие и малые, ближние и дальние, местные, российские и международные сообщества. Приоритет ценностей, а не сиюминутных целей. Право “вето” мудрецов и старейшин. Нельзя допускать необратимых изменений; тон-

кий минимализм ландшафтной архитектуры. Все утилитарное под землю. Минимум техники и обычных занятий. Массовый туризм исключен: любоваться издали и наездами. Ольхон – не для долгого пребывания, это кульминация путешествий! Автомобильный бум уничтожит Ольхон и весь Байкал. Срочно необходим ландшафтно-экологический “ремонт” многих угодий. Красивый, удобный, экологичный, экономичный проект ландшафта сделать трудно, но это реальная задача; главное – воля! Местному сообществу можно и нужно жить достойно, уместно, умно; но Ольхон не принадлежит ему одному. Миру нужен Байкал именно такой, как он есть – не “парк культуры и отдыха”. Уникальность – это и есть ресурс, экономический тоже!

Стратегии уникального места – уникальные профессионалы, уникальные идеи, уникальная организация. Никаких типовых документов и программ. Уникально-типологический подход к уникальному образованию, могущему в силу сложности рассматриваться как модель для многих иных культурно-экологических ситуаций.

ВЫВОДЫ

Для адекватного понимания и анализа Байкальской проблемы необходим существенно более широкий взгляд, чем ныне принят.

Работа с Байкальским регионом высвечивает ряд методологически общих сюжетов, разработка которых представляется трудной, но перспективной: концептуальное исследование индивидуальных и особенно уникальных объектов и мест; существенные части страны как позиции; правовые и этические коллизии природоохранной и экологической деятельности; зависимость экологических проблем от социокультурной ситуации и т.д. Байкальский регион обнаруживает богатство нетривиальными ресурсами – креативным и интеллектуальными.

Разработка всех этих аспектов, будучи научно и культурно ценной, может быть полезна для реальной постановки Байкальской проблемы, которая именно в силу ее уникальности может служить прототипом для чрезвычайно широкого класса ситуаций.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья подготовлена по теме Государственного задания Института географии РАН 0148-2019-0007 “Оценка физико-географических, гидрологических и биотических изменений окружающей среды и их последствий для создания основ устойчивого природопользования”.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор с удовлетворением отмечает помощь, ценные дискуссии и материалы следующих лиц и организаций: Аналитического центра Правительства РФ, О. Байшникова (Улан-Удэ), Н. Бенчарова (Хужир), жителей селений Хужир и Харанцы (Ольхон), Иркутского отделения Социально-экологического союза, Г. Лютиковой, В. Рябцева (Иркутск), Форсайт Байкальского региона (2017, Баяр, Малое море), Г. Шиклькрот, И. Шкрадюк (Ярославль).

FUNDING

The article was carried out within the framework of the state-ordered research theme of the Institute of Geography RAS, no. 0148-2019-0007 (“Assessment of physical geographic, hydrological and biotic changes in the environment and their consequences for laying the foundations for sustainable environmental management”).

ACKNOWLEDGMENTS

The author appreciates the assistance, valuable discussions and materials the following individuals and organizations: Analytical center for the Government of the Russian Federation, O. Baishnikova (Ulan-Ude), N. Bencharov (Khuzhir), residents of Khuzhir and Horanzy villages (Olkhon Island), Irkutsk regional branch of the International Socio-Ecological Union, G. Lyutikova, V. Ryabtsev (Irkutsk), Foresight of the Baikal region (2017, Maloe More coast, Lake Baikal), G. Shilkrot, I. Shkradyuk (Yaroslavl).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арманд Д.Л. Наука о ландшафте. М.: Мысль, 1975. 288 с.
2. Жерихин В.В. Избранные труды по палеоэкологии и филогенетике. М.: Т-во научных изданий КМК, 2003. 542 с.
3. Исаченко А.Г. Ландшафты СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 320 с.
4. Каганский В.Л. Природно-государственный ландшафт Северной Евразии: теоретическая география // Социально-экономическая география: традиции и современность / под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова. Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 78–100.
5. Каганский В.Л. Внутренняя периферия: новая растущая зона культурного ландшафта России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2012. № 6. С. 23–33.
6. Каганский В.Л. Байкал как глобальная проблема // Экологический риск. Материалы IV Всерос. научн. конф. с междунар. участием (Иркутск, 18–21 апреля 2017 г.). Иркутск. 2017. С. 24–26.
7. Каганский В.Л. Байкал – мощный нравственный и интеллектуальный вызов // Знание – сила. 2017. № 6. С. 40–48.
8. Каганский В.Л. Ленточные боры равнинного Алтая глазами путешествующего теоретико-географа // Изв. Алт. отделения РГО. 2017. № 2 (45). С. 130–142.

9. *Корытный Л.М.* Экологические проблемы Байкальского региона // Экологический атлас России. М.: Феория, 2017. С. 336–338.
10. *Родман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
11. *Рябцев В.* Развивая Байкальскую природную территорию будем губить природу? 2017. <http://activatica.org/blogs/view/id/3024/title/razvivaya-baykalskuyu-prirodnuyu-territoriyu-budem-gubit-prirodu> (дата обращения 05.01.2020).
12. *Соболев Н.А.* Экологический каркас России. Индикативная схема. М.: ИГ РАН, 2015. 16 с.
13. *Фирсова А.В.* Образовательный туризм в Пермском крае. Пермь, 2014. 147 с.

Russian Baikal as a Global Cultural Problem

V. L. Kagansky[#]

Institute of geography RAS, Moscow, Russia

[#]*e-mail: kaganskyw@mail.ru*

The article concerns with a bundle of Baikal region problems in relation to global processes. These problems are not formulated distinctly yet. Baikal region is at once a critical part of Eurasia and Russia, important natural resource, one of the few globally significant territories in Russia, notable for highest grade of biodiversity and landscape diversity, a place of great geopolitical and geostrategic significance, indicator of social habits, sacral symbol of Russia. The basic cultural, legal and ethical clashes essential for recognition of the problems are detected. The ecological problems of this unique territory are immersed in both cultural and global context. A draft concept of Olkhon Island maintenance is given.

Keywords: Baikal region, biodiversity, global locus, identifier, consolidator, cultural situation, landscape, landscape diversity, law, symbol, essential part, uniqueness, environmental problem

REFERENCES

1. Armand D.L. *Nauka o landshafte* [The Science of Landscape]. Moscow: Mysl' Publ., 1975. 288 p.
2. Zherikhin V.V. *Izbrannye trudy po paleoekologii i filotzenogenetike* [Selected Works on Paleoecology and Phylocenogenetics]. Moscow: KMK Publ., 2003. 542 p.
3. Isachenko A.G. *Landshafty SSSR* [Landscapes of the USSR]. Leningrad: Leningrad. Gos. Univ., 1985. 320 p.
4. Kagansky V.L. Natural-state landscape of Northern Eurasia: theoretical geography. In *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: traditsii i sovremennost'* [Socio-economic Geography: Traditions and Modern State]. Shkirina A.I., Shuvalov V.E., Eds. Smolensk: Oikumena Publ., 2009, pp. 78–100. (In Russ.).
5. Kagansky V.L. The inner periphery: a new growing area of the cultural landscape of Russia. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2012, no. 6, pp. 23–33. (In Russ.).
6. Kagansky V.L. Lake Baikal as a global problem. In *Ekologicheskii risk. Materialy IV Vseros. nauchn. konf. s mezhd. uchastiem (Irkutsk, 18–21 aprelya 2017 g.)* [Ecological Risk. Proc. IV All-Russian Sci. Conf. with Int. Participation (Irkutsk, April 18–21, 2017)]. Irkutsk, 2017, pp. 24–26. (In Russ.).
7. Kagansky V.L. Baikal is a powerful moral and intellectual challenge. *Znanie-sila*, 2017, no. 6, pp. 40–48. (In Russ.).
8. Kagansky V.L. Ribbon forests of the Altai plain through the eyes of a traveling theoretical geographer. *Izv. Altai. Otd. Russ. Geogr. O-va*, 2017, no. 2(45), pp. 130–142. (In Russ.).
9. Korytnyi L.M. Ecological problems of the Baikal region. In *Ekologicheskii atlas Rossii* [Ecological Atlas of Russia]. Moscow: Feoriya Publ., 2017, pp. 336–338. (In Russ.).
10. Rodoman B.B. *Territorial'nye arealy i seti* [Territorial Areal and Networks]. Smolensk: Oikumena Publ., 1999. 256 p.
11. Ryabtcev V. Developing the Baikal natural territory we will destroy the nature? *Activatica*, 2017. Available at: <http://activatica.org/blogs/view/id/3024/title/razvivaya-baykalskuyu-prirodnuyu-territoriyu-budem-gubit-prirodu> (accessed: 05.01.2020). (In Russ.).
12. Sobolev N.A. *Ekologicheskii karkas Rossii. Indikativnaya skhema* [Ecological Framework of Russia. Indicative Scheme]. Moscow: Inst. Geogr. Akad. Nauk, 2015. 16 p.
13. Firsova A.V. *Obrazovatel'nyi turizm v Permskom krae* [Educational Tourism in the Perm kraj]. Perm: Perm. Gos. Natsional'nyi Issled. Univ., 2014. 147 p.